АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVII

А. В. ФЛОРОВСКИЙ

Первый русский печатный букварь для иностранцев 1690 г

Знакомство с русским языком в странах Западной Европы до самого конца XVII в. было едва ли не исключительно практическим. Русский язык изучали или, вернее, практически усваивали некоторые путешественники, посещавшие Русь, Московскую или Литовско-Польскую, а также торговцы, торговые агенты, дипломаты разных рангов и т. д. От тех времен имеется немало кратких или более обстоятельных русских «разговорников» с торговой или общей разговорной тематикой, имеются записи русского, т. е. кирилловского, алфавита. Но собственно учебники русского письма появляются в Западной Европе не ранее самого конца XVII в. Очевидно, к этому времени совершенно созрела уже потребность в планомерном освоении русской речи и в ознакомлении с основными ее формами и чертами, равно как и с применяемым на Руси письмом. Обычно — и в известном смысле правильно — первым серьезным опытом пойти навстречу этой потребности считается знаменитая «Русская грамматика», изданная в 1696 г. в Оксфорде Лудольфом.

Однако серьезная и широко задуманная грамматика Лудольфа не была первым европейским изданием этого рода. Остается невыясненным вопрос о том, действительно ли перед 1682 г. было издано подобное же пособие, упоминаемое в книге Мартина Липения, — «Elementa linguae russicae». Это издание до сих пор не было обнаружено, и нельзя сказать, что оно собою в действительности представляет. Но никаких сомнений не может вызвать иное подобное же издание, именно русский Букварь (по-латыни), изданный в 1690 г. в г. Ниссе в Силезии, т. е. за шесть лет до издания книги Лудольфа. Это был, видимо, действительно первый ныне известный в оригинале русский букварь, предназначенный для ознакомления иностранцев с русским письмом и с начатками русской грамматики. Об этом Букваре в литературе имеются упоминания уже с конца XVIII в., наиболее же подробные сведения о нем были опубликованы мною по-чешски уже в 1939[1] и 1941 гг.[2] Однако эти сведения, по-видимому, до последнего времени не получили достаточного распространения в русской научной литературе, что и дает мне основание — на этот раз по-русски — представить новую сводку данных о русской грамматике 1690 г.

*

Нисский Букварь впервые было обращено внимание еще в конце XVIII в., когда экземпляр его был обнаружен в Венской придворной библиотеке известным чешским ученым Фортунатом Дурихом, сообщившим

[1] A. Florovsky. Ruská mlavnice českého jesuity r. 1690. — Slovo a Slovesnost, r. IV, № 4. Praha, 1939, стр. 239—45.
[2] A. Florovsky. Čeští jesuité na Rusi. Praha, 1941, стр. 172.

об этом в 1787 г. Иосифу Добровскому,[3] а в 1795 г. давшим и в печати сжатые сведения о нем.[4] Данная венская книжечка осталась и до настоящего времени единственным известным экземпляром этого любопытного издания (ныне Народная библиотека в Вене, сигнатура 74, д. 16). В 1820 г. в обзоре работ по русскому языку, во введении к русской грамматике А. Пухмайера, Добровский упомянул о нисском Букваре 1690 г.[5] В самом конце XIX в. этой книжкой заинтересовался известный галицко-русский ученый А. С. Петрушевич, воспроизведший предисловие к ней в своих «Дополнениях ко сводной галицко-русской летописи с 1600 по 1700 год».

И Дурих, и Добровский на основании предисловия в нисском издании пришли к выводу, что автором грамматики был несомненно чех, скорее всего чех-иезуит, использовавший в своей работе известную грамматику Мелетия Смотрицкого. Попытку более точно определить личность составителя Букваря сделал чешский исследователь Фердинанд Менчик в 90-х годах прошлого века. Располагая уже некоторыми фактическими данными о пребывании в Москве в 80-е годы XVII в. чешских иезуитов, он признал составителем грамматики одного из них, а именно Товию Тихавского.[7] Этот вывод приняли на веру и редактор известного сборника документов по истории иезуитской миссии в России В. Дворский,[8] и исследователь истории русско-чешских отношений в эпоху Петра Великого Ф. Курфюрст.[9] А между тем заключение Менчика, как это будет показано ниже, не отвечает действительности.[10]

Нисский Букварь имеет следующее заглавие: Exemplar Characteris Moscovitico-Ruthenici Duplicis Biblici et Usualis. Cum licentia Superiorum. Nissae, typis Christophori Lertz, civitatis Typographi, M DC. XC. (рис. 1). Имя автора или редактора в книге отсутствует. Однако для решения вопроса об обстоятельствах ее составления и издания имеются вполне определенные указания в предисловии. Тут читаем о том, что автор в 1686 г. отправлялся в Москву по поручению имперской власти в Вене и по решению руководства ордена иезуитов, к которому, очевидно, он и принадлежал. Уже на пути в Москву он всячески старался ради успеха дела познакомиться с русским языком и письмом, разыскивал подходящие книги и сведущих людей. Однако автору пришлось встретиться с рядом трудностей, состоящих в том, что «рутены» издают книги только на собственном языке, без переводов на иные языки или без иноязычных толкований, причем книги у них пишутся и печатаются с применением сокращений (contractiones); поэтому только знающий язык может их читать. Автор использовал задержку у Смоленска (в ожидании получения разрешения на въезд в Москву) и здесь при помощи некоего доброго человека озна-

---

[3] Korespondence J Dobrovskeho I Praha, 1895, стр 79.

[4] F Durych Bibliotheca slavica I Vindabonae, 1795, стр 140—141, 376—377.

[5] A Puchmajer Lehrgebaude der russischen Sprache Praha, 1820, стр XVIII и сл

[6] А С Петрушевич Дополнения ко сводной галицко-русской летописи с 1600 по 1700 год Львов, 1891, стр 707—709

[7] Ferd Menčík Prvni mluvnice latinsko-ruská, čechem sestavena Nedelni Listy. — Приложение к газете «Hlas Nóroda», 1893, 5 февраля.

[8] В Дворский Чешское предисловие к русскому изданию «Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII в.» СПб, 1904, стр 6 прим 2

[9] Fr Kurfurst K česko-ruskym stykům koncem století XVII a počátkem století XVIII Praha, 1935, стр 12—13, 10о, прим. 8.

[10] Действительный редактор нисской брошюры установлен в названных выше моих работах, выводы которых приняты другими исследователями Ср, например· J Vašica Ceske literarni baroko Praha 1938, стр. 177; B Havránek, in Co daly naše země Evropé a lidstvu Praha, 1939, стр. 196.

комился с рядом русских книг, в том числе и с некой «Азбукой», или «Alphabetarium», благодаря чему приобрел достаточные знания для чтения не только азбуки, но и иных книг. Составителю нисского Букваря помогло при этом знание чешского языка. Чрезвычайно важным для определения его личности является сделанное им в предисловии указание на то, что его старания по изучению русского языка одобрил находившийся как раз в это время в Москве молодой швед-полиглот Спарвенфельд,[11] давший автору печатную московскую грамматику для перевода ее на латинский язык. Составитель нисского Букваря не ограничился, однако, простым переводом. Он заново отредактировал грамматику, изложив ее материал в известной

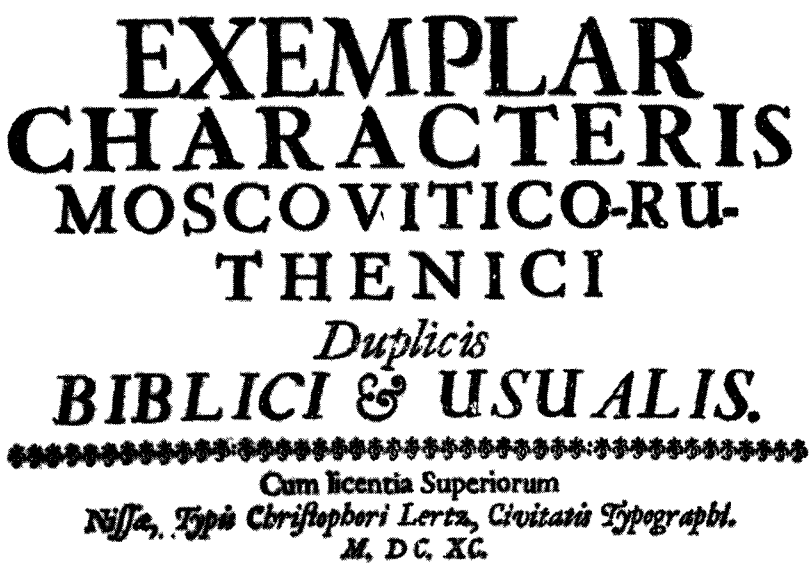
EXEMPLAR
CHARACTERIS
MOSCOVITICO-RU-
THENICI
Duplicis
BIBLICI & USUALIS.
Cum licentia Superiorum
Nissæ, Typis Christophori Lertz, Civitatis Typographi.
M. DC. XC.

Рис. 1. Заглавный лист «Букваря» Г. Давида 1690 г. (Национальная библиотека в Вене, сигнатура 74, д. 16).

выборке. Иноземцы, как говорит составитель в своем предисловии, очень просили его опубликовать эту работу для пользования многих. Это и было осуществлено в 1690 г. При этом редактор нисского издания дал в нем образцы письма, употреблявшегося и в Московской Руси, и на Руси в Черкасах (т. е. на юге России), в Валахии или Сербии, в Склавонии, Болгарии, Боснии (см. текст предисловия в Приложении).

Указания предисловия нисского Букваря дают возможность определить время пребывания автора в Москве. Он поехал в Россию в 1686 г. и застал в Москве шведского дипломата и ученого Иоанна Габриеля Спарвенфельда. Последний как член шведской дипломатической миссии жил в Москве

---

[11] См. о нем: C. H. V. Jacobowsky. J. G. Sparwenfeld. Bidrag till en biografi. Stockholm, 1932; A Jansen. Die Anfänge der schwedischen Slawistik. — Archiv für Slavische Philologie, XXXIII, 1912, стр. 148 и сл.; Н. М Петровский. Aualecte metrica. — Русский филологический вестник. Варшава, 1914, т. 71, стр. 534 и сл.; П. Н. Берков. Из истории русской поэзии первой трети XVIII века. — В сб.: XVIII век. Изд. АН СССР, М.—Л., 1935, стр. 67 и сл.

от 1683 до 1687 г.[12] К кому же из работавших в Москве иезуитов, знавших при этом чешский язык, подходят эти данные? Отнюдь не к Товии Тихавскому, так как о нем доподлинно известно, что он приехал в Москву только в феврале 1689 г.,[13] т. е. уже после отъезда Спарвенфельда. Указания предисловия совпадают с данными о жизни другого чешского иезуита, — Георгия Давида, посланного в Москву как раз в 1686 г., после смерти там иезуита Альберта де Буа.[14] Давид прибыл в Москву в августе 1686 г. и оставался там до 5 сентября 1689 г., когда вместе с Тихавским был выслан из Московского государства и уехал в Польшу, а затем в Силезию.[15]

Отметим, что Георгий Давид, член ордена иезуитов с 1664 г., родился в Чехии в 1647 г., работал затем в Моравии, в Брно и Оломоуце, где и учился в иезуитском университете, и уже в 1685 г. был предназначен для отправки в Москву. По изгнании из Москвы он пробыл несколько лет в Силезии и в Кладско, затем в Праге, где в 1713 г. умер во время чумы, обслуживая больных в лазарете.[16]

Предположение о том, что именно Георгий Давид был составителем нисского «Экземпляра» подтверждается и другими данными. С именем Давида связано еще несколько интересных литературных работ, посвященных русским темам и свидетельствующих о несомненном знании автором русского языка и его живом интересе к русской культуре.

Еще в Москве Давид выполнил одну важную работу для бельгийских иезуитов; он обработал для них русский «Синаксарь», Месяцеслов, список почитаемых русской церковью святых. Бельгийские иезуиты-болландисты при осуществлении своего плана издания монументальных «Acta Sanctorum» признали нужным учесть и данные русской и греко-славянской агиографии. В поисках подходящего материала и руководства они — через одного из главных редакторов этого издания в конце XVII в., Даниила Паппеброхия — обратились в Москву к уже знакомым нам Спарвенфельду и Георгию Давиду. Последние доставили в Брюссель нужный материал, который затем и использовался по мере издания отдельных фолиантов «Acta Sanctorum». Спарвенфельд прислал «Menologium Slavorossicum», Давид в конце 1688 г. — собственноручно написанную тетрадку (13 страниц) календарных записей, озаглавленную им «Соборникъ два на десятемъ м[еся]цемъ», или «Sobornik dva na desiatem miesicem», «Synaxarium 12 Mensium». В «Acta Sanctorum» встречается ряд прямых ссылок на эти рукописи, причем Давид называется «de museo nostro bene meritus».[17] Я имел возможность — благодаря любезному содействию председателя «Общества болландистов» М. Коенса и администрации Библиотеки в Брюс-

---

[12] О деятельности Спарвенфельда в Москве см. статью Л. В. Черепнина «Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции», напечатанную в настоящем томе.

[13] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. VII СПб., 1864, стр. 390—391, 568, Ср.: A. Florovský. Čeští jesuité na Rusi, стр. 135 и сл.

[14] Памятники дипломатических сношений..., т. VII, стр. 545; Д. В. Цветаев. Из истории иностранных исповеданий в Московском государстве XVI—XVIII вв. М., 1887, стр. 347 и прилож. XXXVIII; A. Florovský. Čeští jesuité na Rusi, стр. 133 и сл.

[15] Ср.: J. S. I. Gagarin. Eine unbekannte Urkunde in Bezug auf die Vertreibung der Iesuiten aus Moskau im Jahre 1689 — Russische Studien zur Theologie und Geschichte, II. Münster, 1857; Études de Théologie, de Philosophie et d'Histoire, I, 1857, стр. 387—427.

[16] Сводку данных о Давиде см.: A. Florovsky. Čeští jesuité na Rusi, стр. 133 и сл., по указателю.

[17] Acta Sanctorum, october, III, 5B и 833F и указатель s. v. David; october, IV, 66C и 253A; october, IX (1869), 405, 490E

селе — познакомиться и с самим рукописным «Синаксарем», писанным рукой Давида; он долго сохранялся в архиве болландистов и ныне находится среди рукописей королевской Брюссельской библиотеки. В ином месте я сообщу об этой любопытной рукописи подробнее.

Вторым литературным трудом Георгия Давида, посвященным русским делам, был служебный отчет об обстоятельствах изгнания иезуитов из Москвы в 1689 г. Давид написал его в пограничном литовском городе Кадине тотчас после переезда московской границы. Эту записку, изданную И. С. Гагариным еще в 1857 г., Георгий Давид использовал в составе своего большого литературного труда «Status modernus Magnae Russiae...».

Реляция о высылке иезуитов была служебным отчетом Давида и Тихавского. Давид выполнил и еще одно литературное поручение своего начальства. По поручению генерала ордена иезуитов в Риме он в 1689 г. собрал сведения о пути в Китай через Сибирь, что крайне интересовало Рим в связи с вопросом о возможности использования кратчайших путей из Европы в Китай для католических миссионеров. Для выполнения этого поручения Давид вошел в сношения с известным московским переводчиком и путешественником в Китай Н. Спафарием и с бывавшими там торговцами и на основании полученной от них информации составил карту сибирского пути и объяснения к ней.[18]

Самая большая работа Давида на русские темы — его книга «Status Modernus Magnae Russiae...» — вскоре будет целиком опубликована (сведения о ней приведены в моей книге о чешских иезуитах на Руси, изданной в 1941 г.). «Status modernus» представляет особый интерес для нас потому, что в этой книге Давид посвятил много внимания вопросам культурной жизни Руси и в приложении привел русские святцы, Месяцеслов, на латинском языке с рядом своих любопытных заметок (эти святцы, впрочем, не во всем совпадают с «Синаксарем» Давида, посланным болландистам). Отметим, что известная нам рукопись «Status modernus» не имеет имени автора, однако ее содержание дает вполне достаточные основания считать автором труда Давида; об этом свидетельствует и то обстоятельство, что ряд поправок и вставок в рукописи (написанной рукою переписчика) принадлежит несомненно руке Давида.

Краткая справка о литературных работах Давида рисует его как человека острого и живого интереса к русской действительности и к русской культуре. Несомненно также, что литературное наследство Давида заслуживает того, чтобы имя его заняло более заметное место в кругу писателей о Руси XVII в. А между тем, кроме В. А. Кордта, упомянувшего «Brevis relatio» Давида в своем обзоре путешествий по Руси,[19] никто, в сущности, на его сочинениях не останавливался, хотя некоторые рассказы Давида о московских событиях конца XVII в. (о патриархе Никоне, об изгнании иезуитов в 1689 г. и др.) появились в печати — с приведением имени автора — еще при его жизни, в 1704 г.[20]

Нет никакого сомнения, что Георгий Давид обладал известными познаниями в области русского языка и письма и был подготовлен к тому, чтобы обработать элементарный букварь для интересующихся этим языком и

---

[18] H. J. Bosmans. Le problème des relations de Verbiest avec la Cour de Russie. Bruges, 1912, стр. 23 и сл. (215 и сл.); A. Florovsky. Čeští jesuité na Rusi, стр. 302 и сл., стр. 365.

[19] В. Кордт. Чужеземні подорожні по Східній Европі до 1700 р. Київ, 1926, стр. 154, № 287.

[20] I. A. Kulesza. Wiara Prawoslawna... Wilnie, 1704, стр. 331, § 63, л. 12, № 2772; стр. 332—333, § 63, л. 14, №№ 2781—2786; стр. 337—339, § 20, №№ 2810—2825; Р. Минцлов. Петр Великий в иностранной литературе. СПб., 1872, стр. 373—374.

письмом. Когда в 1692 г. Давид попытался получить от римской конгрегации Пропаганды назначение куда-либо миссионером, он ссылался на свои знания языков чешского, немецкого, итальянского и еврейского (последний он одно время, еще до Москвы, преподавал в Оломоуцком иезуитском университете), а также и на то, что он недурно знает и «славянский» язык («slavonicam linguam»), особенно тот, которым славяне пользуются в церковной практике — при богослужении («eam vel maxime qua Slavones Sacris utantur»).[21] Но нельзя, конечно, преувеличивать познания Давида. В его русских записях встречаются явные богемизмы. В «Status modernus» Давид постоянно пишет по-чешски «czirkev» вместо русского «церковь», «knez» или «kniezy» вместо «князь», «князья», «cernici» вместо «чернецы», «монахи», «maslnice» вместо «масляница», «chlopski» вместо «холопский» и т. п. Ему иной раз трудно дается латинская транскрипция русских или славянских слов; ср.: «posaczkiia» вместо «посадские», «podjacei» вместо «подьячий», «dworczowi» вместо «дворцовый». Он пишет «Gospody Isuse Christuse (sic!), Boze nas, pomiluj nas», родительный падеж «metropoliti» вместо «митрополита», «Peteric» вместо «Патерик». Все эти ошибки и особенности отражают недостаточно прочное знание живой русской и славянской речи, и едва ли можно в неисправностях записей Давида видеть какую-либо систему. В Букваре Давид принимает несколько иную транскрипцию, чем в «Status modernus»; например, букву «ч» он передает не через чешское «č» (иной раз и «cz»), а через польское «cz», и т. д.

Однако Давид все же настолько знал русское письмо и русскую речь, что мог сделать ряд поправок к действительно ошибочным чтениям, допущенным в майской книге «Acta Sanctorum» при репродукции надписей на иконах. Публикуя здесь свои «Ephemerides Graeco-Moscae», Папшеброхий затруднялся с раскрытием титлов и неправильно читал отдельные слова. Так, например, он принял сокращение «пр» за греческое слово «патéр», в то время как Давид объясняет его как сокращение слова «преподобный»; под 15 сентября Давид вместо «Нидоград» правильно прочел «Новгород» и т. д.[22] Слово «Покров», где последняя буква вынесена над строкою, Папшеброхий ошибочно прочитал как «покрад»; Давид установил правильное чтение — не «Покрад», т. е. латинское «furtum», а «Покров» — «protectio»; правильнее Давид разделяет слова и т. д.

Кроме заглавного листа и предисловия, нисский Букварь содержит девять гравированных таблиц с образцами «московско-рутенского» письма, примерами склонений и образцами числительных. Таблицы письма (их четыре) предварены особой инструкцией «pro Tabellis Alphabeti» на полторы страницы; специальные инструкции имеются и перед склонениями — «pro Tabellis Declinationum» и перед числительными — «Instructio» о числительных. Все таблицы гравированы, причем указано и имя мастера: на первой таблице полностью «G. Bubigi» (или «-us»?), а на других только «G. B.». Интересно, что в Букваре Давида имеются данные только о существительных, прилагательных и числительных, но нет никаких упоминаний о глаголах, местоимениях, наречиях и пр.

Таблицы Давида с образцами письма представляют ценность для русской палеографии, как отражение состояния русского письма в конце XVII в. По утверждению Давида, «rutheni» и «slavones», т. е. русские и славяне, располагают сорока буквами. При этом Давид различает два их типа — «библейский», т. е. применяемый только в печатных книгах, и «обычный», употребляемый в письме. По наблюдениям Давида, различия

---

[21] A. Florovsky. Ruská mlavnice..., стр. 243.
[22] Ср.. A Florovský. Čeští jesuité na Rusi, стр. 187.

между этими двумя типами порой якобы настолько велики, что некоторые русские люди знают только один из них и не понимают другого.

Приводя в двух колонках образцы этих двух русских написаний — по нескольку примеров для каждого, Давид отмечает, что некоторые русские буквы напоминают буквы алфавита греческого, иные — коптского, а некоторые являются оригинальными. Он делит буквы на гласные (их 10) и согласные; причем среди первых различает «чистые» (purae), звучащие самостоятельно, и «нечистые» (impurae), не имеющие собственного звука (тут имеются в виду твердый и мягкий знаки — «ер» и «ерь»). Давид отмечает, что последние «in nulla lingva habent similitudinem» и применяются для подчеркивания твердости звука («ер» — как в латинском слове «Titus») или для смягчения его («ерь» — как во втором слоге слова «Titius»); обычно же они употребляются в конце слов, а «ер» и в середине слова («ante vocalem i»). Давид отмечает, далее, в русском языке дифтонги: как в греческом языке — 12 «propriae» и 14 «impropriae», трифтонги и один «quadriphtongus», весьма редко употребляющиеся. Остальные «divisiones» гласных и согласных являются общими с языками греческим и латинским.

Таблица букв у Давида разделена на четыре столбца: прежде всего приведено написание «библейское» в разных вариантах («а» — в пяти, «ер» — в пяти, «б» — в четырех и т. д.), далее обычное (profanus), затем дается «nomen», т. е. произношение буквы (азь — az, ерь — jer, юсь — jus и т. д.), и, наконец, их звуковое соответствие в латинском языке — (potestas seu valor in lingua latina etc.), например еры — jeri = i molle; е — э = e durum (рис. 2).

По указанию Давида, русские и славяне знают пять склонений (рис. 3), подобно латинянам и грекам, причем к первым четырем склонениям относятся существительные, к пятому — прилагательные. Имеется семь падежей, при двух творительных, подобно чешскому языку («ut apud Bohemos»): instrumentalis et absolutus. Так же как и греки, русские знают единственное, множественное и двойственное число; в определении рода слов нет отличий от других языков: они различают род «partim ex signifacione, partim ex terminatione».

При характеристике склонений Давид различает слова первого склонения на «а» и на «я», т. е. мужского и женского рода; далее, слова второго склонения с четырьмя формами окончаний; к третьему склонению отнесены слова женского рода и т. д. В качестве примеров Давид приводит для первого склонения слова «лоза», «овца»; для второго — «клеврéт», «древо», «и́мя»; для третьего — «церковь»; для четвертого — «пастырь», «иерей», «злодѣй»; для пятого — по первому классу «сватый» (явный чехизм! вместо «святой»), «крепкий», по второму — «божий», «Павлов».

Особо оговаривает Давид русскую практику сокращений — аббревиатур, понятных только тем, кто сколько-нибудь знает язык. Для сокращений Давид отмечает три основные правила: во-первых, опускаемые буквы «supplentur per appositum superne accentum»; во-вторых, пропущенная буква, «superne ponitur», в-третьих, при пропуске буквы «с» над словом ставится «accentus circumflexus, qui vocatur slovvo titlo et designat semper omissam litteram s». Видимо, Давид не представлял себе в полном объеме разнообразные функции титла в русском и славянском письме, ограничивая его роль лишь заменой в письме одной только буквы «с». Впрочем, в своем «Синаксаре» Давид часто применяет титло и в иных случаях соответственно старорусской практике.

Что касается числительных, то Давид прежде всего констатирует, что у русских, как и у греков и евреев, нет особых знаков для чисел, но они пользуются буквами своего алфавита. И далее Давид приводит произно-

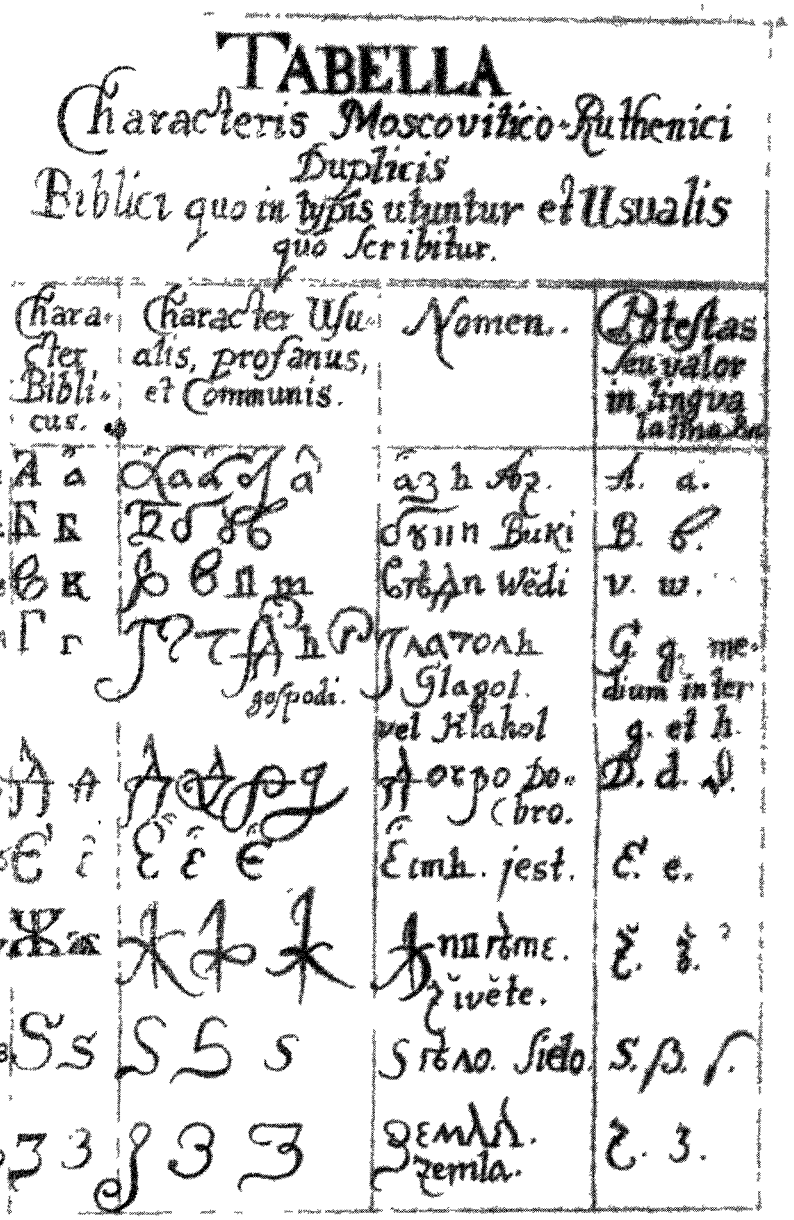

Рис 2 Образец алфавита из «Букваря» Г. Давида 1690 г. (Национальная библиотека в Вене, сигнатура 74, д 16, табл. 1).

шение числительных: «ordinalia: prvi, drugi, treti, czeturty, piati, schesti, sedmi, osmy, dewaty, desiaty, perviinadeset ... dvadesaty», «numeralia: pervoi, drugoi, try, czatyry ... dvanacet, szetrnacet ... dvanosto, tisiscze». Нетрудно видеть, что Давид допускает тут целый ряд ошибок, отчасти под влиянием своего родного, чешского, языка («devaty», «dvanacet» и т. п.). Особо останавливается Давид на объяснении способов обозначения больших чисел: «тьма» (десять тысяч), графически изображаемая — по числу тысяч — буквою «а», «в» и так далее в кружке; далее, сто тысяч обозначается буквою «а» в кружке из точек и т. д.; миллион русские обозначают словом «легиодр», что графически изображается буквами алфавита в кружке пунктиром и т. д.; десять миллионов называется «вран», десять вранов — «dicitur koloda» и графически изображается условным рисунком колоды. Числа более высокие у русских уже не обозначаются (ultra quem numerum non proceditur).

В конечном итоге тот, кто обратился бы к Букварю Давида для ознакомления с начатками русской грамматики, мог, с одной стороны, получить известное представление о русском письме, с другой — представление о некоторых основных особенностях и формах русских склонений и русского счета. Для овладения русской речью этого было, конечно, слишком мало. Давид не сообщал ничего ни о такой основной части речи, как глаголы, ни об особенностях русского словосочетания, ни о русском произношении. Давид действительно дал только самые элементарные сведения для ознакомления с некоторыми сторонами русской речи и письма.

Давид не был, как он сам об этом говорит, самостоятелен в своей работе; он только переработал материал использованных им пособий — какой-то «Azbuk seu Alphabetarium», «grammaticam fusam, sola lingua Ruthenica editam», рекомендованной ему Спарвенфельдом. Уже Дурих в конце XVIII в. догадывался, что тут имеется в виду грамматика Мелетия Смотрицкого, изданная, как известно, впервые в 1618 г. и затем, после нескольких переизданий в Западной Руси, перепечатанная в Москве в 1648 г.[23] Скорее всего именно этим изданием и пользовался Давид. Он критически относился к некоторым сведениям этой грамматики и даже в своих заметках о склонениях смело называл ее полной ошибок (mendosa), путаной (confusa) и малопригодной к употреблению. Мы не знаем точно, что не нравилось Г. Давиду в грамматике Смотрицкого и какие именно ошибки или неисправности находил он в ней. Однако сам Давид все же заимствовал основной материал для своего Букваря у Смотрицкого. Он взял из обширной книги Смотрицкого, правда, очень немногое в смысле объема, только то, что представлялось ему нужным для введения читателя в круг самых элементарных знаний русского языка и письма. Так, он усвоил от Смотрицкого и число падежей (семь), и число склонений (пять). Во всяком случае в этих пунктах у Давида нет ничего общего с более ранней (1590 г.) грамматикой Зизания Тустановича, указывающего 4 падежа, 10 склонений и т. д.[24] Впрочем, в отличие от Смотрицкого Давид относит к первому склонению только слова на «а» и «я», у Смотрицкого же есть еще окончание «и». В большинстве приводимые у Давида примеры склонений имеются и у Смотрицкого, исключения составляют лишь примеры по первому склонению и один пример склонения четвертого — «злодей» вместо «любодей» Смотрицкого. От Смотрицкого взял

---

[23] А. С. Зернова. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках. М., 1958, стр. 87, № 206.

[24] Ср.: С. К. Булич. Очерк истории языкознания в России, I. СПб., 1904, стр. 174 и сл.

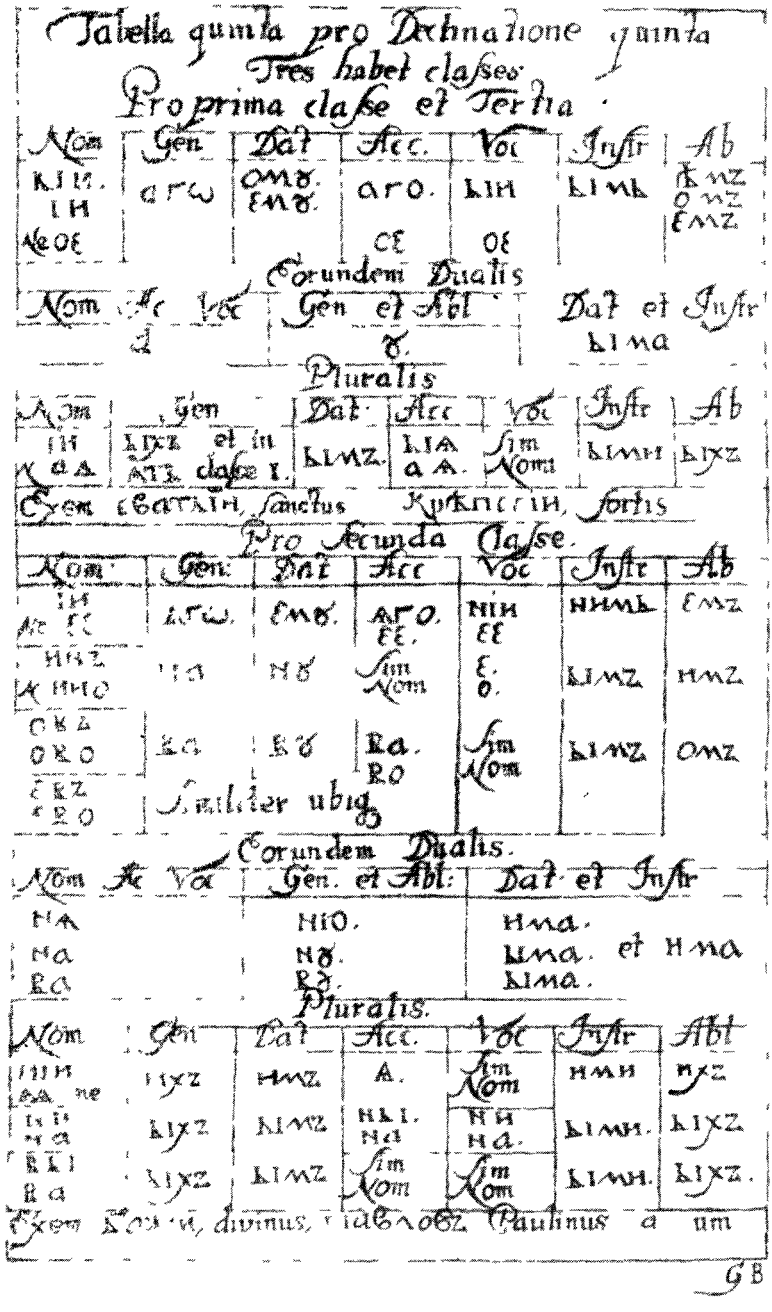

Рис 3. Образец таблицы склонений из «Букваря» Г. Давида 1690 г. (Национальная библиотека в Вене, сигнатура 74, д 16, табл. 7).

Давид и различение гласных, характеристику знаков «ъ» (gravis — толстый) и «ь» (mollis — тонкий).

Мы лишены, к сожалению, возможности провести сравнение издания Давида с букварями, издававшимися в Москве в XVII в., — от Букваря Бурцова до «Букваря языка словенского» Симеона Полоцкого.[25] Возможно, что кое-что дали Давиду и эти буквари и именно в них мог Давид найти отсутствующие у Смотрицкого сведения о числительных, о сокращениях, материал для алфавита, цифры и т. д.

Букварь Г. Давида не представляет собой, конечно, особенно ценного вклада в изучение русского и славянского языка и письма. Материал этого издания весьма ограниченный и не имеет сколько-нибудь самостоятельного значения. Но несомненно, что Давид изданием своего Букваря содействовал распространению среди интересовавшихся русским языком иностранцев некоторых наблюдений русских грамматиков того времени, прежде всего некоторых грамматических указаний Мелетия Смотрицкого. Насколько широко было распространено издание Давида — сказать нельзя, во всяком случае до нашего времени сохранился лишь один экземпляр этого издания, попавший еще в XVIII в. в придворное книжное венское собрание и благодаря этому спасенный от уничтожения, обычно грозившего тем книжкам учебного характера, которые попадали в руки усердных учеников и школяров.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Предисловие

Cum anno 1686 ex Clementissima Caesareae Majestatis resolutione et voluntate Superiorum Moscuam proficiscerer, omnem operam in eo itinere, ut cujus fructum aliquem haberem, impendi, ad linguam illam characterosque noscendos. At vero nuspiam reperire potui, a quo vel directionem aliquod, vel libellum, discendi instrumentum, obtinerem. Accedebat etiam difficultas ex eo, quod Rutheni libros suos sua solum modo lingua in lucem edant, nullium alterius linguae addita interpretatione, vel explicatione, multaque per contractiones scribant et imprimant, vix nisi linguae gnaro, legibiles. Donec tandem secundo Smolenscum (nam primo rejectus eram) venissem, ubi hospitium noctus sum, apud virum optimum, religioni nostrae addictissimum. Hic inquam hospes, me subinde addibat (nam decem dierum spatio subsistere debui, donec pro me intromittendo, Moscua responsum adesset) et levandi taedii causa sermones miscebat, exhibebat et libellos Ruthenicos, inter caeteros Azbuk seu Alphabetarium, a quo lectionem suam tenera aetas auspicatur. Ejus igitur adminiculo, ita intra dies illos profeci, ut non Azbuk solum, sed et alios libellos lectitarem. Cui studio cum deinde Moscuae privatim operam adhiberem, non solum expeditre lepere, sed etiam (linguae Bohemicae subsidio), intelligere didici. Quod meum studium cum approbasset Nobilis Dominus Ioannes Spahrenfeld Suecum, Iuvenis praeclarissimus, et suae gentis spes maxima, plurimarum linguarum peritissimus, qui eo ipso tempore agebat Moscuae, eamque linguam didicit Rutheno pariter, porrexit mihi Grammaticam fusam, sola lingua Ruthenica editam, ut pro meo exercitio eam latinitati donarem. Qua ego perfecta, utilius fore judicavi, si eam in compendiosiores terminos, et clariorem methodum redigerem. Quod etiam, auxiliante bono Deo, brevi praestiti. Hostabantur et rogabant deinde omnes exteri, ut efiam pro eoram usum, publici juris facerem; quod quidem libenter praestitissem,

[25] Ср. их перечень: А. С. Зернова. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках, №№ 103, 108, 275, 310, 318, 328, 357.

si alicubi typum Ruthenicum cum Latino reperire potuissem. Occurrit nunc, ut saltem Alphabetum, et quaedam eo pertinentia sculpi curarem, usibus illorum serviturum, qui olim seu in Magna Russia, Circassia, Walachia, seu Servia, Sclavonia, Bulgaria, Bosnia, pro re Christiana sunt laboraturi, aut inter gentes illas versaturi, cam linguae hujus in plerisque illis regionibus, altem in officiis Ecclesiasicis et libris sit usus.

2. Instructio pro Tabellis Alphabeti

Litteras Rutheni et Slavones habent 40 quarum notitiam, valorem, potestatem ac sonum appositae Tabellae representant.

Observandum, apud Ruthenos duplicem esse characterum Biblicum, ut ita dicam, quo solum in libris utuntur, et Usualem, quem euiam profanum lubet appellare, cujus usus est in scriptis. Est autem tanta utriusque diversitas, un sit multos inter illos ipsos reperire, qui cum norunt biblicum, usualem ignorent et vice versa. Idem est de scriptione: aliqui enim eleganter formant characterem biblicam et ignorant usualem, et e contra.

In prima collumella repraesentatur character Biblicus, in secunda Usualis. Litterae ut apparet, quaedam sunt graecae, quaedam quasi Coptae, quaedam propriae. Litterae dividuntur in vocales et consonantes. Vocales sunt decem. Harum quaedam vocales sunt purae, quod solae sonent, quaedam impurae, quod solae sonum non edant, teles sunt duae num. 29 et 30.

Hae duae vocales propriae sunt hujus linguae, num. 29 posita facit pronuntiationem gravem, qualis apud Latinos prima syllaba Titus. num. 30 mollem, qualis secunda syllaba Titius. Alterutra ponitur semper in fine vocabuli, in consonantem desinentis, quamvis num. 30 posita, etiam in medio locum habeat, ante vocalem i, et cum ea consonantem efficit.

Ex vocabulis fiunt diphtongi, sunt in hoc lingua etiam duplices, ut in graeca, propriae et impropriae. Propriae sunt 12, impropriae 14. Sunt etiam quaedam triphtongi, una quodriphtongus, sed his immorandum non est, cum lectioni peculiariter non deserviant.

Reliquae divisiones vocalium et consonantium, fere linguae graecae, et latinae sunt communes.

3. Instructio pro Tabellis Declinationum

1. Rutheni et Sclavonem quinque habent Declinationes, uti Latini et Graeci. Ad primas quatuor pertinent Substantiva, ad quintum adjectiva.

2. Casus habent septem, nam Ablativi sunt duo, ut apud Bohemos, instrumentalis et absolutus.

3. Numeros cum Graecis tres, Singularem, Dualem et Pluralem, et inter se multum diffirentes.

4. Genera nominum sunt linguis caeteris communia. Haec agnoscunt partim ex significatione, partim ex terminatione. Ex significatione agnoscitur, considerando an sit nomen viri, an mulieris etc. Et quoad hoc est paritas cum lingvis latina, graeca et caeteris. Quomodo ex terminatione agnoscitur, usus docere debet, existant quaedam regulae, sed fusiores quam ut hic apponantur; aliquid colligi potest ex his quae singulis tabellis praefigenda subjungimus.

Pro Tabella Prima: Primae declinationis nomina duas habent termonationes, a et ia, sic enim illa littera exprimitur, definentia in a, recipiunt genus masculinum, commune et omne; Definentia in ia, sunt tantum faeminina.

Pro Tabella secunda: declinatio seconda, habet 4. terminationes. Definentia numero primo posita sunt generis masculini, vel communis vel omnis: reliquia neutrius. Hoc tamen est notandum, quod accusativus primae terminationis, si ani-

mata sint, desinat in a; si inanimata, similis est nominativo. Reliqua suas habent observationes, brevitatis causa differendas.

Pro Tabella tertia. Declinatio tertia unam habet terminationem, ut patet, et quidem solius generis feminini.

Pro Tabella quarta. Declinatio quarta undecim habet terminationes, prout exprimetur, partim generis masculini, partim communis, et ultimam generis neutrius.

Pro Tabella quinta. Hujus, seu quintae, declinationis sunt adjectiva tantum masculina et neutra, et quidem non abbreviata, vel contracta (nam faeminina et apoco ata pertinent ad praecedentes, juxta terminationem). Qua trium sunt classium: ad primam classem pertinent adjectiva perfecta: ut suatji, suataja, suatoje. Ad secundam patronymica, possessiva etc. ut sinowii, quod ad filium pertinet etc. Ad tertiam, patria et gentilia, quorum masculina desinunt in skii, faeminina in skaja, neutrum in skoe, et per syncopen in sk, ska, sko, ut Rossisskii etc.

Has Tabellas propriam vendico, quas magno labore confeceram, etsi fundamentum aliquo ex dicta fusa grammatica desumpserim, sed valde mendosam, confusam, et pene usui nullius aptam.

Porro usus harum Tabellarum est iste: habita nominativi terminatione, quaero, quomodo desinat genitivus etc. invenio illius terminationem in secunda columella, dativi in tertia et sic deinceps.

Alter ordo exhibet dualem. Tertius pluralem, Atteadi semper debet, ad terminationes: primae enim in nominativo singulati, respondet prima in duali et plurali etc.